

Не могу оторвать от нее взгляда. Милое молодое лицо, длинные каштановые волосы. Она оглянулась на меня, с недоумевающей улыбкой. Но улыбка казалась иной. Словно зловещая ухмылка дьявола. Да, именно дьявол коснулся когтистой лапой ее лица и оставил страшный шрам. Рваная и плохо сшитая губа открывает верхние зубы. Клык и еще два соседних. Они белые и ровные, вроде все нормально, но длинный клык и эта нереалистичная улыбка делает из нее страшное зрелище.

Шрам идет еще выше. От левой стороны лица поднимается вверх по щеке и завершается почти под глазом. Широкий шрам изменил форму носа, задев ноздрю, не говоря уже о губе. Она воспринимает свое состояние как норму и не сильно комплексует. Говорит, что родившейся в хеллуин подобает выглядеть страшно. И что это было предназначено судьбой.

Чушь.

Я думаю она в глубине души все равно страдает. Даже я немного чувствую отвращение когда смотрю на нее. Стараюсь не пялиться на шрам, но это намеренное отведение глаз делает все хуже. Она видит как я стараюсь не смотреть на ее увечье, как слегка меняется мое лицо стоит ей повернуться ко мне левой стороной. Я не могу ничего с этим поделать.

Каждый раз когда мы расстаемся она выглядит опечаленной. Не знаю о чем она думает. О своей судьбе? О моем поведении и отношении к ней? О взглядах прохожих на нее? О том что прогулки по городу делают из нее шута?

Однажды она рассказала мне откуда этот шрам и хромота. С тех пор она больше не говорила со мной на эту тему. Просто не приходилось к слову. Всегда разговоры об этом мне казались неловкими.

Когда она была подростком то любила ходить по заброшенным местам. У нее были друзья с которыми она делилась находками. Ингда они ходили вместе. Самое любимое для нее было ходить туда, куда никто не ходил. В сельской местности старая ферма, заросшая травой и маленькими деревьями. Рядом болото, сокрытое от взгляда высокими растениями. Можно просто не заметив пойти по траве и оказаться над водой. И поймешь ты это слишком поздно, ведь твоя нога уже увязла в трясине.

На одну из таких заброшек она решила пойти одна. Конечно, ей повезло что тогда другой человек оказался рядом. Страшно подумать что случилось бы, не забеспокойся один из ее друзей о ее благополучии. Но обо всем по порядку.

Она шла по разрушенной лестнице. Надо было осторожно перераспределять вес, проверять ее на прочность. Тонкий бетон, которому лет пятьдесят, частично обвалился. Тут и там были дыры и держалось все буквально на соплях. Внезапно, как в худшем из ее опасений, лестница ушла из-под ее ног. На пятом этаже. Тяжесть бетонной лестницы обрушивала один пролет за другим и вскоре она оказалась на первом этаже сверху бесформенной кучи бетонных кусков, отдаленно напоминающих ступени. Осколками при приземлении она повредила связки колена. Пострадал и глаз - налетела на угол ступени щекой. Длинный уродливый "разрез" начинался

от верхней губы и заканчивался возле глазницы.

Ее друг, что находился метрах в ста от лестницы, стараясь быть незамеченным, ибо та не любила когда ее не слушают и идут за ней вопреки, побежал на шум. Нашел ее, всю в пыли и крови. Конечно, был риск заражения столбняком.

Он был медиком в их группе. Всегда носил с собой спирт, обезболивающие, иглу, хирургическую нить и другие вещи для первой помощи. Он сделал все что мог.

До ближайшего населенного пункта было двадцать километров на велосипеде по бездорожью. И то была мелкая тихая деревушка без больниц с простой старухой-знахаркой, что все болезни начиная от простуды и заканчивая переломами или перитонитом лечила настойками и амулетами.

Было ясно что помощь требуется оказать прямо сейчас. Надо хотя бы остановить кровь и обеззаразить, ведь в таком виде ее точно не довезти. Обработав наспех раны он повез ее на багажнике своего велосипеда, привязав бессознательное тело к себе паракордом.

Из деревни шел только один автобус в день к платформе. Оттуда можно было сесть на электричку, появляющуюся только рано утром и поздно вечером. Время работало против них.

Но все обошлось. Можно сказать, свершилось чудо. Я бы с большим волнением слушал эту историю, если бы не видел финал прямо перед собой, жующий картошку-фри и запивающий спрайтом.

Финал рассказывал мне историю с улыбкой. Улыбались глаза, улыбался рот. Но только правой своей половиной. На левой стороне лица я видел то, что она, возможно, ненавидит. Уродливый шрам, искажающий эмоции.

Из нее вышел хороший рассказчик. И пусть некоторые проблемы с дикцией первое время общения сбивают с мысли, но привыкнув ты понимаешь что за такой внешностью стоит обычный человек. Даже ребенок, несмотря пусть и молодой, но все же не детский возраст.

<http://tl.rulate.ru/book/28770/605779>